

АЛЕКСЕЕВ М. П.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ОБИХОДЕ ¹

Печатается по рукописи, сохранившейся в архиве М. П. Алексеева, датированной 1953 г. Эта тема занимала М. П. Алексеева на протяжении 30 лет. Впервые М. П. Алексеев прочитал этот доклад на заседании Отделения литературы и языка АН СССР 20 октября 1953 г. Затем 25 ноября 1957 г. на научной сессии в Ленинградском государственном университете, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, он прочитал доклад «Русский язык в мировом культурном обиходе после Великой Октябрьской социалистической революции». 6 мая 1966 г. М. П. Алексеев посвятил свою лекцию на философском факультете в г. Нови Сад (Югославия) теме «Русский язык в мировом культурном обиходе». Наконец, в более широком плане, 22 июня 1971 г. состоялся доклад М. П. Алексеева под названием «Русский язык в мировом культурном обиходе между XI и XX веками» на первом заседании Международного симпозиума (см. брошюру: «Международный симпозиум. Страноведение и преподавание русского языка как иностранного: Тезисы докладов и выступлений». М., 1971, с. 6—7). Настоящая работа не была своевременно напечатана потому, что М. П. Алексеев предполагал написать большую книгу на эту тему. Об этом свидетельствует автограф черновой записи на отдельном листке: «Русский язык в мировом культурном обиходе на протяжении веков. Книга представляет собой первую попытку объединить данные о знакомстве с русским языком за рубежом, по преимуществу в странах Западной Европы между XI—XX веками...» В архиве М. П. Алексеева сохранились пять больших папок с материалами и заготовками для осуществления этой книги (наброски отдельных глав, выписки, заметки, библиографические справки).

Алексеева Н. В.

1

Положение о том, что отдельные языки в известные периоды своей истории могут получать распространение за пределами своей родины, захватывая территории новых народностей или новых культурных зон, что они могут усваиваться здесь более или менее широкими слоями населения, говорящими на другом языке, на то или иное время, находить ценителей и знатоков, выполнять здесь самые разнообразные функции, — иллюстрируется в языкознании огромным количеством работ, освещающих историю усвоения ряда языков мирового значения в различных уголках земного шара. Достаточно напомнить весьма многочисленные исследования, посвященные истории распространения в пространстве и времени языков французского, английского, испанского, итальянского и др., не говоря уже о языках античного мира или некоторых восточных (например, арабского).

Хотя в применении к истории некоторых из упомянутых языков довольно хорошо изучены различные и многообразные факторы, способствовавшие их распространению в чужеземной национальной или государственной среде, установлены пути их распространения и условия, при которых оно происходило, но совокупность этих факторов столь сложна, эти пути столь различны, эти условия столь непохожи друг на друга, что выяснение некоторых общих закономерностей процесса распространения любого языка в чужой для него среде наталкивается на особые трудности и нелегко поддается строго научной формулировке. Это общее наблюдение справедливо и для тех случаев, когда речь идет, например, о наиболее хорошо изученных процессах международного распространения сравнительно узкого круга важнейших запад-

¹ Настоящую статью подготовила к печати и предоставила нашему журналу жена академика М. П. Алексеева — Нина Владимировна Алексеева (Ред.).

ноевропейских языков, т. е. о тех случаях, когда распространяющиеся языки не представляли собою чего-либо совсем нового или необычного в усваивавшей их языковой среде. В самом деле, какие факторы способствовали такому распространению в особо сильной степени, являлись важнейшими, основными, решающими? Заложены ли они в некоторых свойствах самого языка или, наоборот, их следует искать прежде всего в особенностях той среды, которая их усваивала? Зарубежная лингвистика во всяком случае оставляет эти вопросы совершенно неясными или решает их произвольно и противоречиво.

В своих попытках объяснить, что именно обеспечивало рост влияния или международной популярности того или иного языка, зарубежная лингвистика нередко прибегала (да зачастую делает это и поныне) к очень условному понятию о «ценности» того или иного языка, понятию, в котором чаще всего немалую роль играют столь же произвольно определяемые «эстетические свойства» данного языка. Последнее, т. е. «эстетическая ценность» какого-либо языка, представляет собой, как известно, весьма относительную и трудно уловимую категорию, ощутительно меняющую свои очертания в зависимости от изменений воспринимающей данный язык среды. «Чужой» язык для всех говорящих на другом языке всегда является более или менее «странным» и потому более или менее непривлекательным, как всякое непривычное явление, недостаточно еще усвоенное сознанием. Поэтому и в XIX в., да и в XX в. были еще возможны и нередко наблюдались случаи субъективно-отрицательного отношения к отдельным языкам, внушенного то шовинистической настроенностью, то заложенными еще глубже неумением отказаться от обычных речевых навыков или полной к этому неспособностью. Даже широкое развитие языкознания в XIX в. не сумело обеспечить в полной мере во всех странах Западной Европы спокойного, делового, разумного отношения к иноязычию, способности отдать должное действительной ценности тех или иных «чужих» языков, стать на точку зрения иного речевого сознания и опыта. Эмоциональное же восприятие языка как системы определенных звуко сочетаний всегда отличалось крайней субъективностью.

«Эстетическая ценность» какого угодно языка, иначе говоря — сумма вызываемых им эстетических эмоций, едва ли может иметь сколько-нибудь существенное значение при возникновении более или менее широкого интереса к данному языку в иноязычной среде и в особенности как его основание, первопричина. Немыслимо представить себе такую языковую среду или такое историческое положение, при которых интерес к усвоению иностранного языка вызывался бы его «музыкальностью», своеобразием его фонетической системы, присущим ему ритмом или какими-либо иными качествами. Случаи своего рода эстетического, пленения, художественной заинтересованности тем или иным иностранным языком были, разумеется, возможны, и такая заинтересованность могла сопутствовать их усвоению (вспомним хотя бы судьбу итальянского языка как языка вокальной музыкальной культуры), но она никогда не являлась первоначальной причиной или поводом ни для изучения, ни тем более для массового распространения данных языков. Подтверждающие данное положение примеры в изобилии могут дать истории увлечения итальянским языком во Франции, Испании или в Англии в XVI в., испанским — во Франции в первой половине XVII в., французским — в Германии XVIII в. и т. д. Суждение об «эстетической» ценности какого-либо языка как о мерило, определяющем его потенциальные возможности распространяться или усваиваться на чужих территориях, до тех пор будут вполне субъективными и произвольными, пока они не станут областью специального научного лингвистико-психологического эксперимента. До того времени они всегда будут напоминать известное рассуждение В. Гюго о французском языке, включенное в его книгу «Постскриптум моей жизни», могущее служить образцом необязательности и крайней субъективности такого рода эстетических оценок: «Солнце производит гласные, точно так же, как оно производит цветы; север изобилует согласными, как льдинами и скалами, — писал В. Гюго. — Равно-

весе между согласными и гласными устанавливается в языках промежуточных, порожденных умеренным климатом. Северный язык (немецкий) не мог бы сделаться всеобщим: в нем очень много согласных, которых не разжевать мягким ртом южан. Южный язык (итальянский) также не привился бы ко всем нациям; его многочисленные гласные, едва выдерживаемые внутри слов, проглатывались бы в грубом произношении северян. Французский же язык, опираясь на согласные и не будучи чрезмерно смягчен гласными, создан так, что он может приспособиться ко всякому человеческому органу речи» [V. Hugo. Post-scriptum de ma vie (1863—64); русск. изд. «Post-scriptum моей жизни», СПб., 1902]. Относительно последнего утверждения В. Гюго следует иметь в виду, что очень многие немцы или англичане в XIX в. придерживались совершенно иных точек зрения. Достаточно напомнить здесь не менее известный отзыв о французском языке немецкого современника В. Гюго — Шопенгауэра. По мнению Шопенгауэра, — столь же, разумеется, произвольному, — французский язык, «с его отвратительными конечными слогами и носовыми звуками является самым убогим романским жаргоном, ужаснейшим увечьем латинских слов, самым жалким языком» (Parerga und Paralipomena, Bd. II). Естественно, что с такой точки зрения именно французский язык не приспособлен был к сколько-нибудь широкому распространению. Но и В. Гюго мог знать, что, вопреки присущей французскому языку, по его представлениям, — «гармонии» гласных и согласных, этот язык мог быть вытеснен, например, в Египте или Канаде — английским, который, с точки зрения того же Гюго, вовсе не обладал «гармонией» установленного им рода. Очевидно, распространение языков на чужих территориях не в сильной степени определяется их благозвучием или способностями вызывать эстетические эмоции. Очевидно также, что некоторые французские писатели, выяснявшие причины «универсальности» французского языка задолго до Гюго, в XVIII в. (например, Ривароль), стояли на более трезвых позициях, чем Гюго или те современные нам зарубежные лингвисты, которые кладут в основу своих рассуждений о распространенности тех или иных языков (например, английского) — субъективно-идеалистическое их восприятие, основанное на необязательных эстетических предпосылках.

Следует, правда, иметь в виду, что зарубежное языкознание вовсе не в обязательном порядке прибегает к понятию эстетической ценности языка, выясняя причины, вызвавшие распространение того или иного языка или могущие обеспечить его в дальнейшем; рассуждения этого рода в большей степени являются уделом поэтов или же расчетливых политиков, прикрывающих представлениями об «очевидной» красоте языка далеко не привлекательные, а иногда и сугубо корыстные цели. В западноевропейской лингвистике представление об эстетической ценности языка нередко входит как часть в более общее понятие «исторически сложившейся ценности» языка, допускающее, в свою очередь, очень зыбкие и неотчетливые истолкования, в особенности применительно к интересующей нас цели.

Если, например, в такое понятие вкладывать один из составляющих его признаков, придавая ему значение господствующего, — например, представление о простоте грамматической структуры того или иного языка, или о его лексическом богатстве, или, например, о разработанности и устойчивости его стилистических применений и т. д., то это также мало что объяснит нам в процессе, который привел данный язык на том или ином этапе его истории к более широкой, международной распространенности. Можем ли мы утверждать, что в числе наиболее «культурных» языков, т. е. достигших высокой степени своего развития, с наибольшей легкостью за пределами своих естественных границ распространяются те из них, которые отличаются наибольшим богатством своего словаря или простотой своих грамматических правил? Едва ли. Английский язык, например, за пределами своей родины, на большей части завоеванных им территорий, прокладывал себе дорогу огнем и мечом, и его экспансия в большей мере является следствием военно-колониальных пред-

приятий английской государственности, чем пресловутая простота его грамматики. С другой стороны, относительная «трудность» грамматического строя французского языка не препятствовала его широкому распространению далеко за пределами романского мира, а язык немецкий долго удерживал за собой важные в международном смысле места как язык научной литературы по преимуществу, вопреки специфическим трудностям своего словообразования или синтаксиса. Дело, таким образом, очевидно заключается не только в тех или иных действительно исторически сложившихся особенностях того или иного языка, а в чем-то другом. Отсюда, между прочим, следует, что всякая попытка искусственного упрощения языка в целях популяризации его усвоения, искусственного уродования языка ради придания ему своего рода «центробежных» сил, заранее обречена на неудачу. Больше того, действительные или мнимые преимущества строя того или иного языка, взятые сами по себе, в отвлечении от факторов исторического порядка, никогда не могут служить обоснованием ни возможностей его распространения, ни его притязаний на это. Можно считать вполне установленным, что относительная легкость усвоения языка той же семьи или группы также никогда не служила п е р в о п р и ч и н о й, ближайшим поводом для его распространения в родственной ему языковой зоне. Близость отдельных языков друг другу, наоборот, нередко служила причиной их вражды или соперничества. Родство славянских языков, например, могло в одних исторических условиях обеспечивать легкость их усвоения и взаимное их распространение и, в других условиях, — обеспечивать полное к ним равнодушие или даже стремление к максимальному обособлению. Справедливо, по-видимому, и обратное положение, по которому полное несходство языков разных систем никогда не могло служить причиной, останавливающей распространение того или иного языка в пределах вовсе чуждой ему речи. Для в о з м о ж н о с т е й распространения какого-либо языка в пространственном отношении поистине не может быть тех или иных границ, безразлично, понимаются ли они в территориальном, государственном, политическом или национальном смыслах. Что же касается необходимых у с л о в и й, способствующих такому распространению, то следует сказать, что особо действенное значение имеют здесь факторы п р и н у ж д е н и я или д о б р о в о л ь н о с т и, которые, однако, нельзя понимать в абстрактном социально-этическом смысле, так как они прежде всего обусловлены исторически.

Понятие «исторически сложившаяся ценность языка» есть прежде всего понятие историческое, которое нельзя отрывать от развития общества, от истории народа, — творца и носителя этого языка. Выясняя причины, вызвавшие или содействовавшие распространению тех или иных языков, мы также, естественно, не можем рассматривать их в отрыве от истории тех народов, которые являются создателями этих языков, или вне истории тех общественных образований, в которых они получили свое распространение.

Одним из решающих факторов, обеспечивших тому или иному языку широкую распространенность, было не то, что он имел те или иные преимущества перед другими, — звуковые или грамматические, — а то, что он являлся орудием мысли и передовой культуры. Только те языки достигли в свое время действительно мирового значения и получили универсальную распространенность, которые могли служить и служили рупором передовой культуры, инструментом, с помощью которого изучавшие его или владевшие им люди приобщались к этой культуре, черпали из ее духовных богатств. Итальянский язык потому и получил столь широкую распространенность за пределами Италии в XV—XVI вв., что он был орудием передовой в то время гуманистической культуры и художественной мысли, для которой рамки возрожденного прежде всего в той стране латинского языка оказались слишком стеснительными. Французский язык получил популярность во всех странах Европы в XVIII в. вовсе не потому, что он был языком великосветских салонов, а прежде всего потому, что это был язык передовой в то время просветительской культу-

ры, подготовившей революцию 1789 года. Золотая пора относительно короткой популярности испанского языка в других странах Европы пришлось не на ту пору истории Испании, когда она завоевывала новые территории в разных странах мира, а на ту, когда поставленная в центре мировой жизни испанская культура сама могла сказать новое слово. И неудивительно, что популярность испанской речи стала очевидной в то время (в конце XVI и первой половине XVII в.), когда испанские печатники, экспортировавшие произведения испанской художественной литературы и отчасти науки, были известны также на всем протяжении Европы от Италии и до Нидерландов. Языки же, получившие свое распространение по принуждению, силою меча, т. е. становившиеся орудием притеснения, усваивались в силу необходимости, неполно в отношении своего словарного объема и ущербно в отношении своих грамматических правил, вскоре же вырождаясь в некие искусственные и уродливые новообразования, служившие сугубо деловым целям и уже тем самым обреченные на прозябание в самых узких территориальных границах. Примером могут служить многочисленные и своеобразные колониальные диалекты английского языка или тех же французского, испанского, наконец, голландского языков. Такие гибридные новообразования, разумеется, не могли служить орудиями приобщения к соответствующей культуре, да и приравнивавшиеся таким образом языки вовсе не претендовали в данных случаях на такую посредническую роль.

Естественно, что действительная, а не призрачная или воображаемая исторически сложившаяся ценность того или иного языка могла иметь немалое значение в приобретении им популярности за пределами его родины, но лишь при условии действительного, а не принудительного к нему интереса; свое значение в такой заинтересованности могли иметь также и эстетические свойства данного языка (если, например, усвоение его говорящими на другом языке не вступало в полное противоречие с артикуляционными особенностями их привычной речи); язык, так сказать, «некрасивый» с точки зрения большинства говорящих или «неудобный» для усвоения в тех или иных отношениях, никогда и не мог бы получить широкой популярности вообще. Но все это только вторичные явления, сопутствовавшие его восприятию, но не определявшие его. Совершенно очевидно при этом, что язык, получивший широкое распространение, т. е. служивший распространению высокоразвитой и передовой культуры, никогда и не мог быть языком «недоразвившимся», не выработавшим в себе своих особых преимуществ, не достигшим уровня той культуры, выразителем и орудием которой он служил. Но и распространение свое он мог получить прежде всего в тех странах и в той общественной среде, которые заинтересованы были в восприятии и усвоении этой культуры.

2

Примером, иллюстрирующим убеждение, что международное значение приобретает язык передовой культуры, может служить история распространения русского языка. К сожалению, такая история еще не написана; изучается она еще также недостаточно. Весьма привлекательной и важной задачей было бы рассказать подробную историю постепенного распространения русского языка по всему миру на отдельных этапах его развития, медленного вначале, но постепенно все более убыстрявшегося роста его влияния и популярности в различных странах. Такая история, когда она будет написана, думается, всецело подтвердит, что рост этого влияния был не случайным, а исторически закономерным, что он увеличивался по мере того, как русская культура, культура создавшего его великого русского народа, со всеми отчетливыми признаками своего национального своеобразия приобретала все больше историческое и международное значение, пока, наконец, гигантский исторический сдвиг, именуемый Великой Октябрьской социалистической революцией, имевший поистине мировое значение, не сделал русский язык действительно мировым языком передовой социалистической культуры, изучение которого на всех

концах мира ведется в настоящее время в самых широких масштабах миллионами людей самых различных народностей и, безусловно, будет в дальнейшем еще возрастать.

В узких рамках доклада такая история русского языка, разумеется, не может быть изложена сколько-нибудь подробно. Я могу претендовать, в лучшем случае, лишь на то, чтобы наметить отдельные ее вехи, сообщить некоторые более или менее случайные примеры, из множества других, требующих, однако, своего обособленного и тщательного изучения.

Историю знакомства с русским языком стоило бы начать с древнейшей поры его развития, доступной исследованию, так как не подлежит сомнению, что на заре русской государственности древнерусский язык не жил обособленной, замкнутой жизнью. Он был доступен языковым воздействиям со стороны и сам мог уже тогда оказывать воздействие на языки не только ближайших своих соседей. К сожалению, эти вопросы не принадлежат к числу сколько-нибудь подробно разработанных в языкознании. Попытки указать заимствования из древнерусского языка в языках печенегов, половцев-куманов и других тюркских народностей, с которыми восточные славяне имели взаимоотношения с древнейших времен, были немногочисленны и затруднены тем, что наши сведения об этих языках очень ограничены [1]. Однако столь же случайными и еще менее бесспорными были попытки определить некоторые возможные заимствования из древнерусского в гораздо лучше известных нам языках средневековья, например, в средне-греческом языке византийцев [2]², в языке испанских арабов, в языках различных народностей романо-германского мира. Что такого рода заимствования, — хотя и преимущественно в сравнительно узкой лексической области товарной номенклатуры, — могли иметь место и что древнерусский язык мог иметь некоторое распространение за пределами своей территории в домонгольскую эпоху, подтверждают, с одной стороны, раскрывающиеся все полнее и ярче широкие, оживленные, длительные торговые связи древней Руси с самыми отдаленными центрами средневекового мира, с другой стороны, — письменные свидетельства XI—XIII вв. Напомним, что в «Слове о полку Игореве» говорится о древнем Киеве: «Ту немци и венецици... поют славу Святославлю» и что Иларион в «Слове о законе и благодати», конечно, с полным правом мог писать о князе Владимире, что он «не в неведомой земле владычествоваше, но в русской, языке ведома и слышима всеми концы земли».

Впрочем, языковая обособленность феодального общества как следствие замкнутости хозяйственного уклада создавала неблагоприятные условия для усвоения иноземной речи. Дальность путей, ведущих из городов Западной Европы в Киев или Новгород, многие различия в быту, а затем и религиозная рознь — «греческая схизма» — способствовали значительному отчуждению латинского средневековья от крупнейших культурных центров древней Руси. Тем не менее никогда это отчуждение не было полным. Отсутствие достаточных данных о языковых заимствованиях западноевропейскими языками из древнерусского объясняется, в первую очередь, тем, что до нас почти не дошли письменные памятники такого рода, в которых они могли быть обнаружены с наибольшей очевидностью — торговые записи, счетные книги и т. д. Подобные документы более позднего периода XIV—XVI вв. (например, Ганзейского Союза) до нас дошли и содержат в себе как раз большое количество заимствованных слов из русского языка. По аналогии можно заключить, что подобные же заимствования производились и в более раннее время. К подтверждающим это косвенным обстоятельствам мы относим, например, данные, которые можно извлечь из героического и куртуазного эпоса средневековья, как французского, так и немецкого.

Известно, что памятники этого рода не часто упоминают о различиях тех языков, на которых должны были говорить между собой их герои, и обнаруживают невнимание к несходствам речи разных народностей.

² «Русские» слова, в частности — формулы приветствия, обнаруженные в записи византийского ученого середины XII в. Иоанна Цеца в его «Теогонии», объяснены еще недостаточно [см. 3, с. 71—72] (со ссылкой на статью Ю. Моравчика [4]).

Поэтому все иноязычные данные в эпических произведениях должны были быть затупеваны, стерты, ассимилированы. И тем не менее, в этих памятниках обнаружены были следы заимствований из славянских языков, в том числе и непосредственно из древнерусского. Как свидетельствуют недавние исследования, французский национальный эпос может служить одним из источников для русской истории [5, с. 95—127]. О Руси в этом эпосе говорится во многих местах, как о богатой и могущественной стране; знает этот эпос даже «угличей» (eugles), упоминаемых и в немецких источниках [5, с. 106]; возможно, что под загадочными bruns, замещающими «россов» (ros) в некоторых рукописях «Песни о Роланде», следует разумеать «бродников», русскую вольницу, упоминаемую в летописи с 1147 г., которая была знакома своими набегами «дунайским [паломникам, франко-норманнским наемникам Византии и крестоносцам. Папа Григорий IX в 1227 году посылал, как известно, миссионеров проповедовать in Cumania et Brodnik, terra vicina» [5, с. 106]. «Во французском рыцарском эпосе,— пишет исследователь,— отразились экономические, политические и культурные связи Руси с далеким Западом. В нем, возможно, приоткрывается завеса над участием выходцев из Руси при Анне Русской и ее сыне Филиппе I в феодальной политической жизни Франции и соседней Фландрии и, быть может, отражены боевые соприкосновения руссо-варягов на службе Византии с франко-норманнами в южной Италии» [5, с. 127]. Неудивительно поэтому, что памятники средневекового эпоса сохранили не только племенные названия, имена народностей и общественных образований Восточной Европы. «В средневековый французский язык, главным образом эпический, и в рыцарскую геральдику перешло для обозначения особенно ценившегося соболя, обитателя Восточной Европы, слово *sable*, наряду со словом *zibeline* (более распространенным) также славянского происхождения» [5, с. 100]. В одном из памятников («Антиохия», конец XII — нач. XIII в.) прямо упоминаются «русские соболя» (*sables de Roussie*), а в «Песне о Роланде» — мантии из собольего меха (*mantel sabelin*), как упоминаются они, наряду с другими мехами, на другом конце Европы, в скандинавских сагах (*safara* в «Эдмундовой саге») [5, с. 100]. В одной из поздних рукописей «Песни о Роланде» отмечено было загадочное слово *luissart*, объясняемое, по-видимому, лишь из русского «лиса» [6]; древнерусские парадные корзна — «теплые княжеские мантии с застежками» также фигурируют в средневековых латинских памятниках под именем *crusina*, *crusna* (позднее *selavina*) и в немецких под именем *Kürsen* [5, с. 107].

В документах более позднего времени, в XIV—XV вв., особенно немецких ганзейского периода, торговая номенклатура полна заимствований из русского языка; это относится в первую очередь к названиям мехов. Такие обозначения, как, например, «schevenissen» и «troinissen», долгое время считались немецкими исследователями загадочными [7], пока не было разъяснено, что «schevenissen» — это русское «шевия», связка беличьих шкур, а «troinissen» — русское же «тройницы» [8, 9], «wimetecken» — русское «выметка», т. е. мех низшего достоинства, «выборки», а «smaschi» и «merlici» русские же «смешки» и «мерлушки» [10, 11]³.

Что все эти названия прочно забывались — естественно и понятно; они имели хождение в узком профессиональном кругу, служили преимущественно коммерческим целям; любопытно, однако, другое — что в тех же самых купеческих корпорациях уже в раннее время отчетливо наметилась тенденция не допустить в западных землях широкого знакомства с русским языком, препятствовать этому, прежде всего, разумеется, в целях монополизации своей торговли с Русью, устранения конкурентов. Еще А. Х. Лерберг указывал на то, что уже в XIII—XIV вв. ганзейцы получили особое право отдавать своих детей в новгородскую область для обучения русскому языку и впоследствии строго следили за тем, чтобы никто кроме них не воспользовался этим правом, «даже под тяжким наказанием запрещая обучать русскому языку всякого, не принадлежавшего к его союзу» [13]. Когда же они заметили, что к такому же изучению

³ В недавнее время к этому вопросу вернулся М. П. Лесников [12].

стремятся и голландцы, то в 1423 г. ганзейские города поспешили обнародовать специальное постановление, чтобы всяческими средствами препятствовать голландским купцам изучению этого языка [14].

Осуществить это постановление, однако, оказалось ганзейцам не под силу. Знание русского языка не только высоко ценилось, но оно становилось все более необходимым. И мы имеем ряд свидетельств о знакомстве с этим языком, приобретенном вопреки тем преградам, которые пытались было поставить этому купеческие конторы. Среди всех этих свидетельств особняком стоит признание тирольского рыцаря и поэта Освальда фон Волькенштейна (конец XIV в.), который наряду с многими языками романо-германского мира, ставшими ему известными во время многолетних скитаний по Европе и Востоку, знал будто бы также и язык «русский» (reuschisch). Это свидетельство необычно прежде всего потому, что речь идет в данном случае не о присяжном переводчике торговой компании, а об одном из видных немецких поэтов времени заката миннезанга. В многочисленных стихотворениях Освальда, обращенных к Маргарите фон Швангау, действительно попадаются интригующие славянские строки; правда, признать в них наличие слов именно русского происхождения несколько затруднительно [15]. Столетие спустя такой факт — приобретение навыков русской речи лицом, не имевшим прямого отношения к торговой деятельности, показался бы менее исключительным. Но что такие люди находились в Италии, и во Фландрии, и в Испании и, тем более, в немецких землях, не подлежит никакому сомнению. Особенно много появилось их в те столетия, когда под властью Москвы спланивалось ясное русское централизованное государство.

Свидетельства о хорошем или удивительном знакомстве с русским языком иностранцев между XV—XVII столетиями становятся столь изобильными, что их было бы здесь трудно перечислить со всей полнотой. В этот период продолжается, притом очень интенсивно, в Новгороде, Пскове, в северных приморских городах, а затем и в Москве, профессиональная подготовка иноземных переводчиков с русского языка, посылаемых туда торговыми фирмами разнообразных государств. Из русских городов они возвращались к себе на родину, хорошо владея навыками не только устной, но и письменной русской речи. Большое количество документальных свидетельств этого рода растягивается, примерно, на три века. Ганзейские документы XIV—XV столетий приводят даже многие имена подобных толмачей, прошедших специальную подготовку; имели их и прусские меченосцы, так как грабительский характер военно-колониальных предприятий тевтонского ордена прямо принуждал их к этому [16]⁴.

В 1492 г. в Москву приехал некий Михаил Снупс; в письмах, привезенных им от императора Максимилиана и австрийского эрцгерцога Сигизмунда, объяснялось, что приехал он-де в Московское государство потому, что «разных людей языков», а более всего русского «учиться жаждет для своей охоты» [18]; остается неизвестным, был ли это благовидный предлог, скрывавший совершенно иные цели, или Снупс действительно обладал лингвистической или вообще научной любознательностью. Один из документов 1516 г. свидетельствует об обучении у нас русскому языку датских «робят» [19]; из других документов, более позднего времени, видно, что эта практика не прекращалась долго: еще в 1592 г. копенгагенский бургомистр отправил шестнадцатилетнего мальчика-датчанина в Колу, к купцу Василию, для изучения русского языка [20, с. 145, 185—186, 201]; датский подданный голштинiec Люткен привез с собою в Колу из Гамбурга своего сына и другого мальчика, тоже голштинца, которых затем, с согласия властей, отправил в Холмогоры — учиться русскому языку [20, с. 136]. Сохранилось много данных о голландских юношах, привозившихся в различные русские города для той же цели.

⁴ Еще в 1519 г. находившийся в Москве посол магистра прусского ордена просил о разрешении подданному магистра Вулфсангу (Вулкану Погге) в течение года или двух поучиться русскому языку в Новгороде или в Пскове, и это разрешение было ему дано [см. 17].

В 1600 г. в Москве русский язык изучали «францовский немчин» (т. е. француз) «Жан Паркет, лет в 18, да англичанин Ульян Колер, лет в 15, робята молоди» [21, 22] и т. д. Наряду с молодежью русскому языку обучались также и взрослые люди, голландцы [23], шведы [24], особенно англичане, а некоторые из них учились ему здесь просто в школе жизни, подолгу оставаясь в Московском государстве и усваивая русский язык в долготелней живой практике.

Из приведенных данных с несомненностью вытекает, что в отдельных странах, особенно в таких, которые вели интенсивную торговлю с Московским государством, в XVI в. русский язык пользовался известностью. В специальной работе я уже стремился показать, насколько широко его знали в это время в Англии, где отдельные русские слова, и не только заимствованные из торгового словаря, попадали даже в художественную литературу: мы встречаем их и в поэтических произведениях, и в полемических сочинениях, и в драматургии шекспировской поры, столь остро реагировавшей на всякую злобу дня. Так, например, драматург Томас Гейзуд в своих пьесах «Похищение Лукреции» и «Вызов красоте» упоминает о русском напитке «квасе» (quass) и о том, что русские украшают свои головные уборы «соболями» (sables). Упоминается «квас» также в стихотворных эпитетах поэта конца XVI в. Джорджа Тербервиля, наряду с такими словами, как «мед» (mead) или «однорядка» (odnoriadka). Томас Нэш, писатель той же эпохи, подхватил где-то в Лондоне русское местоимение «наш», и оно запомнилось ему благодаря случайному созвучию с его именем: в своем памфлете против Гарвея 1596 г. он прибегает к основанному на этом сходстве каламбурю, говоря, что он до тех пор будет преследовать своих врагов, пока они не станут перед ним на колени и не кричат: «Помилуй Нэш» (Pomiloi Nash) [25] ⁵.

Мы отчетливо представляем себе широкую практическую заинтересованность в изучении русского языка прежде всего торговых слоев различных западноевропейских народов начала XVI в., поэтому вполне закономерным отмечается появление именно в этом столетии большого количества практических руководств для его изучения — словарей, разговорных справочников и т. д. «Книга русского языка» Томаса Шрове, известная по рукописи 1546 г., но составленная для немецких купцов, по-видимому, еще в конце XV в., является одним из древнейших дошедших до нас руководств для изучения русского языка иностранцами [27]; по известны и другие немецкие руководства такого же характера, относящиеся к XVI и к XVII вв. [28, 29] ⁶. В рукописях конца XVI в. известен французский словарь русского языка, составленный около 1586 года по материалам, привезенным французскими моряками из Архангельска [31, 32]. В 1596 г. голландский купец Ян Фердус, в письме из того же Архангельска, дал характеристику русского языка, объяснил азбуку, способ писания с титлами и т. д. [33]. Особенно интересные данные заключают в себе английские руководства по русскому языку того же времени, к сожалению, большей частью неизданные; таковы хранящиеся ныне в Оксфорде два русско-английских словаря, один из них с азбукой и краткой грамматикой начала XVII в. из библиотеки архиепископа В. Лода 30-х годов XVII века [25, с. 82], «русские прописи» [25, с. 82] и т. д. Русско-английский словарь Ричарда Джеймса 1618 г. представляет собою несомненно выдающийся для своего времени лексикологический труд [3, 34; см. 35, 36].

На распространенность русского языка (языка «москвитов»), на родство его с другими славянскими языками и на практическую важность знакомства с ним еще в середине XVII в. указывал Джеймс Хоуэлл в любопытной книге наставлений своим соотечественникам, отправляющимся за границу [37].

⁵ См. также [26].

⁶ К более поздним руководствам относятся хранящийся в Вене словарь и разговорник, частично изданный И. В. Ягичем [30], и неопубликованный словарь XVII в., хранящийся в Киеве в библиотеке АН УССР.

Теоретическая европейская лингвистическая мысль в своем интересе к русскому языку, правда, несколько отставала от широко развивавшейся практики его изучения; в большинстве западноевропейских сочинений о различии языков XVI и начала XVII вв. сведения о языке московитов, его происхождении и ближайших родичах еще отличаются сбивчивостью и противоречивостью. Таковы, например, изданный в 1955 г. в Цюрихе трактат Конрада Гесснера «Митридат» («Mithridates»), в своей русской части основанный еще на ранних и недостоверных известиях путешественников [38, 39], к которому немного существенного прибавили его продолжатель Каспар Вазерус (1610), обширный труд француза Клода Дюре [40] и некоторые другие.

Научное изучение русского языка продвинулось вперед на Западе лишь во второй половине XVII столетия. Одним из первых европейских славистов следует считать шведа Иоганна Габриэля Спарвенфельда (1655—1727) [41, 42]. Много путешествовавший по Европе и обладавший незаурядными филологическими способностями, Спарвенфельд был отправлен в Россию в качестве шведского посла и за три года, проведенных в Москве (1683—1686), настолько хорошо освоился с русским языком, что мог даже писать русские вирши; одно из таких русских стихотворений Спарвенфельда найдено в его бумагах, хранящихся в Упсальском университете; оно начинается следующими стихами:

Прежде неже что и речешу кому,
Расудити то должно ти самому...

Известно и другое русское стихотворение Спарвенфельда; оно было даже напечатано — латинскими литерами: это произведение особенно любопытно потому, что оно написано правильными тоническими стихами:

Что же есть дружба, мирская заплата?
Что нам вельможного ясла палата?
Одна бессмертна себе добродетель
Самой заплата есть и благодетель...

Очевидно, в 80-е годы XVII века внимание иностранцев, изучавших русский язык, стала привлекать к себе уже русская поэзия, русское словесное искусство, а не простое лишь умение объясняться по-русски [43, 44]. Рядом со Спарвенфельдом может быть назван другой славист-дилетант, в те годы овладевший искусством русского стихосложения, датчанин Гильдебранд фон Горн (1655—1686); он трижды приезжал в Россию с датским посольством (в 1676—1678 гг., а затем в 1681 и 1682 гг. в качестве посла короля Христиана V). О том, что Горн мог писать русские стихи, стало известно и в московских придворных кругах; в одном из своих донесений из Москвы, в декабре 1681 г., Горн, между прочим, рассказывает, что русский государь, узнав о его «большом уважении» (eine grosse estime) к русскому языку, велел наградить его двенадцатью русскими книгами в красивых переплетах, «чтобы я при этом не только вспоминал об его царской милости, но также и для того, чтобы я мог усовершенствоваться в русском языке» [45] ⁷. Досадно, что Горн не упоминает в своем донесении, что это были за книги, полученные им в подарок от московского царя, но очень возможно, что среди них были и книги светского содержания [46].

Спарвенфельд также очень интересовался русской письменностью: он вывез с собой из Москвы ряд русских книг и серьезно занимался лексикографией; среди оставшихся от него рукописей нашлось несколько славяно-латинских словарей (четыре тома), кроме того, копия словаря Епифания Славинецкого и один латино-славянский. Хотя эти словари не были изданы, о чем долго велись переговоры и переписка между учеными разных стран, они все же в известной мере заложили основы запад-

⁷В русской историографии Горн известен, между прочим, как заказчик «Повествования о Сибири» Ю. Крижанича (1680).

ноевропейской славистики: по следам Спарвенфельда и, частично, с помощью собранных им материалов, славистикой и особенно русским языком занимались Метьюрин Лакроз [47; 29, с. 410—411], Генрих Лудольф, Лейбниц [48]. Жизнеописания всех указанных лиц свидетельствуют, что изучение русского языка интенсивно велось тогда во всех европейских странах. Ранние биографы Генриха Вильгельма Лудольфа (1655—1712), саксонского выходца, натурализовавшегося в Англии, утверждают, что он «приобрел уже некоторое знание русского языка» именно в Лондоне, прежде чем ему удалось совершить поездку в Россию в начале 90-х годов XVII века. Через несколько лет после своего возвращения в Англию Лудольф издал на латинском языке оригинальную и ценную грамматику русского языка (*Grammatica Russica*, Oxford, 1696), снабженную диалогами и некоторыми сведениями о России (между прочим, о русских писателях и ученых). Лудольф предполагал, что его труд должен был принести пользу купцам и путешественникам, так как он представляет собою введение в изучение языка, на котором говорят «в стране от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии до Китая» [49, с. 47], и, действительно, не ошибся в своих расчетах; «Русская грамматика» не только ответила указанным целям; ею очень заинтересовался весь западноевропейский ученый мир. Изданная в Оксфорде на латинском языке, она частично переведена была на английский, французский и немецкий языки и пользовалась популярностью в течение нескольких десятилетий [50], хотя в начале XVIII века в Западной Европе появились уже и другие ученые знатоки русского языка.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 350.
2. Кулаковский Ю. Славянское слово «плот» в записи византийцев, — Византийский временник, 1900, № 1—2.
3. Ларин Б. А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка. — Тр. юбилейной научной сессии ЛГУ, секц. филол. наук. Л., 1946.
4. Moravcsik J. Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes. — In: Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1930, Bd. VII, Hf. 3—4, S. 356.
5. Дробинский А. И. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. — Исторические записки. Т. 26. М., 1948.
6. Losinsky G. La Russie dans la littérature française au moyen âge. — RESI, 1929, fasc. 4, p. 264.
7. Koppman K. Schevenissen und troinissen. — In: Hansische Geschichtsblätter, 1893, Bd. VII, S. 63, 64.
8. Stieda W. Revaler Zollbücher und Quittungen des 14. Jahrhunderts. Halle, 1887, S. CXXXVI.
9. Stieda W. Über die Namen der Pelzthiere und die Bezeichnungen der Pelzwerkorten zu Hansa-Zeit. — In: Altpreuussische Monatsschrift, 1887, Bd. XXIV, S. 617.
10. Заседания IX Археологического съезда в Вильне. — Археологические известия и заметки, 1893, № 10—11, с. 313.
11. Штида Л. X. О различных именах сортов меха в ганзейское время. — Тр. IX Археологического съезда в Вильне. Т. II. М., 1897, с. 50.
12. Лесников М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. — Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В. П. Потемкина, кафедра средних веков, 1948, вып. 1.
13. Лерберг А. X. Исследования, служащие к объяснению древнерусской истории. СПб., 1819, с. 196—197.
14. Stieda W. Zur Sprachkenntnis der Hanseaten. — In: Hansische Geschichtsblätter, 1884, Bd. V.
15. Алексеев М. П. «Русский» язык у немецкого поэта XIV века. — Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.
16. Forstreuter K. Russische Schreiber beim Deutschen Orden in Preussen. — ZSlPh, 1934, Bd. VIII.
17. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516—1520 г. — Сб. русского исторического об-ва. Т. 53. СПб., 1887, с. 100, 107, 152.
18. Приезд в Россию в 1492 году Михаила Снупса... — В кн.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. I, СПб., 1851.
19. Русская историческая библиотека. Т. VII. СПб., 1882, с. 16.
20. Щербачев Ю. Н. Датский архив. М., 1893, с. 145, 185—186, 201.
21. Цветаев Д. В. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890, с. 701 (примеч.).

22. *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII вв. Л., 1925, с. 39.
23. *Кордт В. А.* Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов.— Сб. Русского исторического об-ва. Т. 116. СПб., 1902, с. XXXII.
24. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.— Сб. Русского исторического об-ва. Т. 129. СПб., 1910, с. 252.
25. *Алексеев М. П.* Английский язык в России и русский язык в Англии.— Уч. зап. ЛГУ, 1944, сер. филол. наук, вып. 9, с. 80—81.
26. *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века (Гл. I. Первые литературные встречи). М. 1982 (Лит. наследство, т. 91).
27. *Алексеев М. П.* «Книга русского языка» Т. Шrove 1846 г. и ее автор.— В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей. [Л.], 1951.
28. *Строев С.* Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в Публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841.
29. *Яцимирский А. И.* Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек. Т. I.— Сб. ОРЯС, 1921, т. XCVIII.
30. *Ягич И. В.* Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII столетия.— Изв. ОРЯС, 1897, т. II, кн. 2.
31. *Ларин Б. А.* Парижский словарь русского языка 1586 г.— В кн.: Советское языкознание. Т. II. Л., 1936.
32. *Ларин Б. А.* Парижский словарь москвитов. Рига, 1948.
33. *Ловягин А. М.* Из голландских библиотек и архивов.— В кн.: Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1901.
34. *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по истории русского языка. XVI—XVII вв.— Докл. и сообщ. Ин-та русского языка. Вып. I. М., 1948.
35. *Алексеев М. П.* Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбукониках XVI—XVII вв.— В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956.
36. *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуконике XVII века. Л., 1968.
37. *Howell J.* Instructions and directions for forren travell. London, 1650, p. 82.
38. *Сухомлинов М. И.* Исследования по древнерусской литературе. СПб., 1908, с. 357—358.
39. «Allgemeine Deutsche Biographie». Bd. IX. Leipzig, 1879.
40. *Duret C.* Thrésor de l'histoire des langues de cest univers. Yverdon, 1619, p. 850—851, 835, 854.
41. *Jensen A.* Die Anfänge der schwedischen Slavistik.— AfslPh, 1909, XXXIII, S. 148.
42. *Jacobowsky C. U. V. J. G. Sparwenfeld.* Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932.
43. *Петровский Н. М.* Analecta metrica. III—IV (окончание). РФВ, 1914, № 2, с. 534—538.
44. *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII в.— В кн.: XVIII век. Вып. I. М.—Л., 1935, с. 67—69.
45. *Aarsberetninger fra Det Kongelige Geheimarchiv*, Bd. VI, Hf. 4, Kjøbenhavn, 1879, S. 198.
46. *Куфаев М. Н.* Из истории книжного строения второй половины XVII в.— Хроника Ленинградского об-ва библиофилов. Л., 1931.
47. *Кеппен П.* Материалы для истории просвещения в России. Т. I. СПб., 1819, с. 13, 19, 22.
48. *Пекарский П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях.— Зап. имп. Академии наук, 1863, т. IV.
49. *Ларин Б. А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937.